

ЗНАМЕНИТЫЙ ПОТРЕБИТЕЛЬ

— Почему вы работаете под псевдонимом?

— Все получилось совершенно случайно. Это политика издательства — всем начинающим авторам предлагают взять псевдоним. Даже если это начинающий автор и еще не понятно, будет ли он успешным, все равно страшно, что его перемянут другие. Я по своему легкомыслию согласилась. Если честно, я не ожидала такого успеха. Потом стало не по себе: мое настоящее имя где-то бродит, а я здесь. Но в последнее время, наоборот, радуюсь.

— Нет в вас тщеславия...

— Абсолютно. Сам процесс работы доставляет мне такое удовольствие, что все, что происходит потом, уже не столь важно. Конечно, мне приятно, когда мои романы хвалят, неприятно, когда говорят гадости, но не настолько, чтобы это серьезно задевало.

— Вы закончили Литературный институт. Вас там научили писать?

— В Литинституте — это общее заблуждение — научиться писать нельзя, но тогда он давал наиболее полное гуманитарное образование. Но я не могу, пожалуй, назвать ни одного имени из нашего выпуска, которое стало бы известным в литературе, кроме меня.

Первый же роман Полины Дашковой стал открытием, ослепившим не только любителей детективов, но и тех, кто предпочитает хорошую прозу. Под яркими обложками и броскими заголовками оказались тексты профессионального литератора. Так что нет ничего удивительного в том, что это имя прочно заняло верхние строчки всевозможных рейтингов, а к чисто женской аудитории довольно быстро подтянулись и мужчины. Сама Полина Дашкова — ни для кого уже не секрет, что это псевдоним — похожа на своих героинь: она красива, умна, образованна и иронична. И при этом в ней соединяется, казалось бы, несоединимое. Женщины, сделавшие себя, семейным радостям предпочитают шумные сборища и беседы на феминистские темы. С Полиной же все наоборот — у нее один из самых уютных домов во всей Москве, муж, две дочери и ирландский сеттер, уже вошедший в один из ее романов.

— Вы только быт списываете или характеры тоже?

— Живого человека нельзя засунуть в роман. Из него нельзя сделать литературный персонаж.

— Почему?

— Литература — это не жизнь. Кувшин на картине существенно отличается от того, который стоит перед художником. Разумеется, что-то взято из жизни. Но вопрос в том, в какой степени.

— А как же банкир-политик Подосинский и писатель-фашист Изюмов?

— Вспомните «Бесов» Достоевского, там ведь тоже все как бы прочитывалось. Но прототипов уже нет, разве что в учебниках истории, а роман остался. В конце концов я пишу не ребусы, не кроссворды, а романы. И думаю, что сходство фамилий — не самое интересное, что в них есть.

— Когда вы пишете, вам ничего не мешает — тени великих предков или законы жанра?

— Я, когда пишу, настолько глубоко сижу внутри сюжета, что никаких теней туда не пускаю, чтобы не мешали.

— Детективщики мужского пола достаточно пренебрежительно отзываются о «дамском» творчестве.

ЗОЛОТОЙ ПЕСОК

ПОЛИНЫ ДАШКОВОЙ

ДАШКОВОЙ

— А почему именно детективы?

— До этого я занималась работой «негритянки» — переводила Агату Кристи. Но пока сидела с ребенком, наступил перерыв, и я решила написать что-то самостоятельно. Кроме того, история, которую я описала в «Крови нерожденных» (это название издательства, мое было — «Виварий») — реальная история. Интрига и сюжет выдуманы, но в основе — происшествие с человеком, которого я знаю. Абсолютно законным образом чуть не убили неродившегося ребенка и его маму. Ощущение безнаказанности такого злодеяния, наверно, и послужило неким изначальным толчком. К тому же я человек сугубо литературный и не могу не писать.

Но я не относилась к этому серьезно. Первый роман писала почти год, откладывала, потом стала читать вслух мужу, друзьям. Когда мне стали говорить: «А дальше, дальше-то что?», я поняла, что надо дописывать. Дописала и понесла в издательство, абсолютно ни на что не надеясь. Через три дня позвонили и сказали, что будут публиковать. Такое со мной произошло впервые. Только сделали несколько замечаний, которые касались криминалистических деталей, чего я тогда просто не знала.

— Вам не обидно быть в категории коммерческих писателей?

— Я вообще вне категорий. То, что меня туда припиливают, дело тех, кто меня припиливает.

— Неужели друзья и коллеги не сказали своего веского слова?

— Сказали, сказали, а как же. До того момента, пока не прочитали. Все мои друзья очень скептически отнеслись к этому, решили, что я сошла с ума. Прорыв произошел, когда ночью позвонила моя подруга, прежде говорившая, что она и в руки такое не возьмет, так вот она позвонила и сказала: «Зачем ты его убила?».

— А вам не хочется написать о чем-нибудь таком добром, вечном, а не о кровавых ужасах?

— Классическая литература не менее кровава, чем детективы. Мы все читаем Шекспира, Пушкина, а ведь там крови не меньше. У нас сложилось странное представление, что есть низкая, заведомо плохая литература, а есть как бы высокая. Как-то некто Ерофеев сделал со мной передачу, где спросил: «А вот не тянет вас к серьезной литературе?

Комплексов нет по этому поводу?». Он себя, видимо, считает представителем высокой литературы. У меня комплексов нет, что я ему и объяснила, но, разумеется, он все это вырезал. Халтура — она в любом жанре халтура, и далеко не все, что читает массовый читатель, плохо. Ни Пушкин, ни Тургенев, ни Толстой не были маргиналами, они были массовыми писателями. И держать планку на этом уровне

и не умные. Главный герой — это собеседник автора и читателя плюс довольно большой объем текста. С глупым человеком скучно. А что касается героев, я их по половому признаку не делю. Нет, это не феминизм. Я вообще не вижу смысла в феминизме. Проблема, кто главнее, мужчина или женщина, может существовать в отдельно взятой семье. Но делать ее темой конференций и телепередач — это же смешно.

очень сложно. Ты пишешь плохо не потому, что твой читатель идиот, а потому, что ты — глупый.

— Детективы для вас — развлечение?

— Работа.

— Каждый день — у станка?

— Каждый день, я — трудоголик.

— Все ваши главные герои — умные, образованные и все — женщины. Почему только такой типаж?

— В «Золотом песке» главный герой — мужчина. А умные и образованные, потому что с другими мне неинтересно.

— Может, не получается?

— Ну почему, есть же второстепенные персонажи, не образован-

— А как вы считаете, где женщине место?

— Там, где она хочет. Господь Бог создал мужчину и женщину. Кто из них хуже, кто лучше... Мир не может существовать и без тех, и без других. Но если женщина позволяет своему мужчине говорить, что он раньше, больше, лучше, значит, она выбрала не того мужчину.

— Все ваши героини пьют много кофе — это автопортрет?

— Да, наверно, это потому, что я сама пью много кофе, у меня пониженное давление, и я без него не могу. Так что эта деталь, конечно, из моего быта.

— Это их проблемы. Если все, что можно сказать о книге, что она — дамская, это не литература. А если это литература, неважно, чья она.

— А как же литература для детей старшего школьного возраста?

— Я считаю, такой нет. Моя старшая дочь, правда, среднего школьного возраста, читает Гоголя, Пушкина, Чехова, в двадцатый раз перечитывает Карлсона...

— А маму?

— Маму тоже читает. Когда я пишу, мне нужен слушатель, и довольно часто я в этом качестве использую старшего ребенка. Так что мама ей нравится. У нее даже подруги стали просить книжечки почитать. Конечно, они не все еще понимают, они маленькие, двенадцать лет.

— А Маринину мы отнесем к дамской литературе или...

— Из всех дам читать могу только Маринину, и то в ее раннем варианте. Но вы знаете, я бы не хотела ее обсуждать. Марина Анатольевна — талантливый человек и сделала очень большое дело: она подняла планку массовой литературы до уровня более высокого, чем простое чередование половых актов и кровавых сцен.

— И вы с ней, конечно, не общаетесь?

— Мы встречались только один раз.

— Между вами пропасть?

— Да нет никакой пропасти. У меня уже сложился свой круг общения. Я человек не светский, терпеть не могу ходить на все эти сборища.

— У Марининой есть постоянная героиня. Не хотите продолжить приключения Лены Полянской («Легкие шаги безумия», «Кровь нерожденных»)?

— Нет. Второй раз она появилась исключительно потому, что понравилась моим издателям и меня попросили вставить ее в следующий роман. Мои герои — люди абсолютно обычные, люди из толпы, с нормальной жизнью. А сколько в жизни человека может произойти острых криминальных ситуаций? Один, два раза. Потом он либо свихнется, либо станет суперменом, что уже неинтересно. У меня не будет повторений. С Леной так получилось, хватит с нее, пускай живет дальше, растит ребенка...